

Кьямали УМУДОВА

Бакинский славянский университет
Кафедра истории русской литературы
Канд. филол. наук, доцент

2021 год ознаменовался 200-летним юбилеем Федора Михайловича Достоевского, который широко отмечали не только в России, но и далеко за ее пределами. Имя Достоевского в Азербайджане впервые упоминается в начале XX века. В 1909 г. в газете *Тегерди* ("Просвещение") Ф. Кечарли, в 1915 г. в газете *Azad söz* ("Открытое слово") М. Расулзаде, в 1926 - в газете *Yeni fikir* ("Новая мысль") К. Пахчываллы преподносят Достоевского как русского и мирового писателя и сравнивают его с Гете и Сервантесом. А первые статьи о Достоевском появляются позже, в 1956 году, в газетах *Azərbaycan gəncləri* ("Молодежь Азербайджана"), *Ədəbiyyat* ("Литература") и др. В 70-80-х гг. в связи со 150-летием Достоевского в самых солидных периодических изданиях республики публикуются десятки статей, делаются попытки серьезного исследования художественного наследия и биографии писателя (М. Джафар, М. Ариф, Ш. Курбанов и др.). История подлинного научного освоения творчества Достоевского начинается с 70-х годов прошлого столетия, а переводов его произведений на азербайджанский язык - с 2000-х годов и связана с именем заведующего кафедрой Истории русской литературы Бакинского славянского университета, док. филол. наук, профессора Коджаева Мамеда Коджаевича ("Характеры и идеи Ф. М. Достоевского", 2007; он же автор монографии "Философия человека у Пизами", 2012). Усилиями научных центров и отдельных ученых в России и в мире исследование творчества Достоевского приступило сегодня к совершенно новой фазе своего развития. Тема спасения человека и мира через личный подвиг любви составляет основу произведений Достоевского, как и Пизами, Данте, Рабле, Шекспира, и имеет всеобщее значение.

Сегодня вашему вниманию предлагаем интервью с одним из создателей современной школы достоевиедения, известным литературоведом Татьяной Касаткиной. Верю, что темы, факты, интерпретации, изложенные в интервью, станут интересными и важными для читателей, и в целом обогатят наши знания о литературе и литературоведении.

ТАЙНА ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТИ

- Татьяна Александровна, поздравляю Вас с юбилеем Достоевского. Добро пожаловать на встречу с азербайджанским читателем. Как прошел юбилейный 2021 год для Вас? Какими событиями он запомнился Вам?

- У нас в научно-исследовательском Центре "Ф. М. Достоевский и мировая культура" в ИМЛИ РАН был очень большой конференционный, издательский и научный план в этом году - и большую часть года мы сидели не разгибаясь - писали и редактировали книги и журналы или писали письма участникам и составляли программы. Но было очень много ярких конференций. Например, фестиваль "Золотая маска" сделал одним из своих центральных событий конференцию "Достоевский и театр" (куратор - Юрий Сапрыкин), на которой проходили парные беседы исследователей - филологов и искусствоведов - с режиссерами представленных на фестивале спектаклей по произведениям Достоевского. Мне выпала честь и радость говорить с Михаилом Моксвым, замечательным режиссером Мастерской Брусникина. Предварительно я посмотрела и пересмотрела (благо, один из спектаклей есть в записи и легко находится в Интернете) его постановки "Бесы" и "Бесы. Ночь". Это спектакли с большой долей импровизации, с вовлечением зрителей - и они очень "достоевские" и в этом смысле, поскольку в основе актерской импровизации лежит очень глубокая концепция, которую можно донести разными средствами (как это было и у самого Достоевского: именно поэтому неоднократно замечено исследователями, что черновики Достоевского можно читать почти как "самостоятельные романы" - что, конечно, не совсем так) - ибо Достоевский, имея очень выверенную концепцию, подбирает для ее выражения разные сюжетные ходы - но это выглядит для читателя, не увидевшего еще самой концепции, как "отдельный роман". Спектакли очень яркие, с блестящим актерским составом оставили сильное впечатление, прекрасна была и беседа с режиссером.

Второе событие, о котором нельзя не сказать, - это создание и установка памятника Достоевскому Свято-Никольским монастырем Переяславля-Залесского. Скульптор Сергей Бычков создал изумительный памятник, наверное, лучший памятник Достоевскому на данный момент. Я, по обстоятельствам, не была на открытии памятника - но, поскольку развернутую на плакатных щитах вокруг памятника историю жизни Достоевского инициативная группа,

Татьяна Касаткина

руководимая настоятельницей монастыря игуменшей Евстолией (Афониной), делала на основе моей статьи "Опыт духовной биографии Ф. М. Достоевского", то с группой мы встретились еще в апреле, и тогда же я видела памятник в глине. Встреча эта в Свято-Никольском монастыре была прекрасна, потому что я увидела круг людей беззаветно влюбленных в Достоевского и глубоко его понимающих.

Сейчас, пытаясь вспомнить, я понимаю, что изумительных событий в этом году было очень много. В марте я встречалась с группой студентов ГИТИСа, ставивших "Униженных и оскорбленных" под руководством Ивана Забелина, и мы два часа говорили об их персонажах - и что в случае каждого персонажа можно и нужно играть - а в октябре посмотрела их готовый спектакль, в котором было замечательно все, начиная с проекционных декораций и заканчивая умением молодых актеров выразить глубинные смыслы текста в драматической постановке по роману, где вынужденно опущена огромная и важная часть текста... В общем, боюсь, если всерьез начать все вспоминать - интервью станет бесконечным.

- Я знаю, что в этом году по проекту РФФИ в России вышло 30 монографий, отражающих разные аспекты творчества писателя. Расскажите нам о своей монографии "Богословие Достоевского". Вы называете Достоевского философом и "величайшим богословом". Как вмещается в художественный текст метафизическая глубина веры, бытия Бога?

- Это коллективная монография, у нее пять авторов, кроме меня это Анастасия Гачева, Татьяна Магарил-Ильяс-

ова, Николай Подосокорский, Катерина Корбелла. Все очень мудрые и глубокие ученые с разными методологиями, что очень важно при исследовании такой объемной темы, как богословие писателя - то есть богословие того, кто не пишет трактат, а пишет художественный текст, несущими конструкциями которого являются мощнейшие богословские откровения и глубинные философские прозрения. И в случае Достоевского это не просто смена формы выражения богословских и философских идей (так иногда бывает, когда художественный текст становится серией иллюстраций к богословским положениям) - это текст, создаваемый с принципиально другой целью: передать читателю не знание о богословии, а опыт богословствования и опыт обнаружения богословских истин в своей собственной жизни. Такой опыт обнаружения богословских истин, который меняет жизнь читателя в самых ее основаниях. Как Достоевский это делает? Он очень отчетливо прописывает в образах онтологические основания любой богословской категории. Приведу пример, чтобы не голословно говорить. Грех - буквально - перевод греческого слова, означающего "промах". Раскольников, размышляя о своем преступлении в остроге, не найдет в нем ничего, "кроме разве простого промаху" - это слово Достоевский выделяет в тексте курсивом. И тут внимательный читатель задается, по замыслу автора, вопросом - что за промах, промах по сравнению с чем, где и в чем герой промахнулся? Достоевский как бы обращает взгляд читателя назад, на весь уже прочитанный текст - и читатель видит последо-

СЛОВА: ДОСТОЕВСКИЙ - 200

вательную двойственность героя, у которого первый порыв - всегда один - жертвовать собой, а однажды он попытается пожертвовать другим - и этот промах сломает его жизнь, переломит ей хребет, как Миколка клячонке. И станет видно, что любой грех - это промах мимо себя самого, мимо своего глубинного человека, от которого Раскольников ограждает и отделяет себя рефлексией, предъявляющей человеку самосохранение и самореализацию в качестве высшей цели - но самосохранение и самореализацию той единственной и ограниченной формы себя, которая только и может служить отправной точкой позитивистской рефлексии. Потому что самосохранение и самореализация высшего существа в человеке будут выглядеть иначе, будут выглядеть - с точки зрения единственной формы, "я" - как жертва. И тогда при любом действии встает вопрос - в какого себя ты целишься? В какого себя хочешь попасть? С чем отождествиться в своем действии - со своей переходящей периферией - или со своим божественным центром? Действие первой будет - схватить, отнять, сберечь для себя. Действие второго - отдать, ибо способ его существования - самоотдача. И Достоевский всем романом показывает, как человеку становится хорошо, когда он выбирает отождествление со вторым - и как ему оказывается сокрушительно и разрушительно плохо, когда он выбирает отождествление с первой.

- Какие еще книги Вы готовите к изданию в ближайшее время?

- Роман Ф.М.Достоевского "Подросток": современное состояние изучения", книга уже сверстана. Это третья книга в прерывавшейся нацолог серии "Произведения Ф.М.Достоевского: современное состояние изучения", в рамках которой вышли ранее под моей редакцией издания "Роман Ф.М.Достоевского "Идиот": современное состояние изучения" (2001) и "Роман Ф.М.Достоевского "Братья Карамазовы": современное состояние изучения" (2007). "Подросток" - наиболее обойденный вниманием читателей, переводчиков, иллюстраторов, режиссеров и сценаристов роман Достоевского. Верно это и в отношении исследователей. Поэтому авторов в томе меньше, чем в других книгах серии - а их статьи иногда гораздо больше по объему, чем было принято в предыдущих книгах, и представляют собой многоаспектные многолетние исследования. В книге анализируются проблемы личности в процессе становления, повествовательная структура романа, позволяющая выражать сложные философские и богословские

идеи автора сквозь речь героя-подростка, рассматривается соотношение черновых записей и публикуемого текста, исследуется богатейшая система аллюзий, реминисценций, прямых и скрытых цитат, вводящих в текст Достоевского священные, литературные, живописные и музыкальные тексты европейской и русской культуры, анализируются постановки романа, даются аналитические обзоры исследований за XX-XXI века - словом, всего не перечислить.

Еще одна книга - моя собственная, я на днях сдаю ее на верстку, надеюсь, она выйдет в начале 2022 года. Она называется ""Мы будем - лица..." Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского". Ее глубинный центр - выписанная в заглавие цитата из черновой записи Достоевского "Маша лежит на столе, увижу ли с Машей..." - то есть книга сосредоточена на образе человека (и соответствующего этому образу образа мира) у Достоевского. Достоевский, разгадывая тайну человека, находит отгадку в том, что современный человек радикально заблуждается в определении собственной мерности, размера, состава и конфигурации. Человек исходит из ложного видения себя как ограниченного своим собственным телом и отграниченного от всех остальных людей, из видения других как своих соперников и претендентов на тот же ресурс, а не как открывающих для него новые пространства и возможности, без них и вне их просто не существующие. Вследствие этого он радикально ошибается как в определении своих истинных выгод, так и опасностей на своем пути. Вплоть до того, что самое опасное для себя он склонен считать наиболее выгодным, а самое выгодное - ущемляющим его жизненные интересы. Человек в этом смысле как бы двуприроден - и его земная жизнь должна быть вызреванием, все большим раскрытием внутри одной природы - другой природы. Достоевский показывает, что "счастье добывается страданием" на земле именно потому, что обретение счастья связано с радикальной сменой ориентиров, базовых постулатов бытия человека - а такая смена не легка, не проста и не безболезненна. Впрочем, о своей книге я могу очень долго говорить - но думаю, что лучше ее читать.

Еще одна книга, которая подготовлена к публикации в этом году - и, надеюсь, выйдет в следующем году, называется "Авторские теории творчества". Достоевскому там посвящен довольно большой раздел. Сама книга - о теориях творчества, которые кладут в ос-

нование своих произведений разные авторы. О целях, которые они ставят себе, приступая к созданию текстов и полнотен, о принципах взаимодействия с материалом, о том, чего они ждут от читателя. Я уверена, что без знания тех законов, которые признавал над собой автор, понять его создание невозможно, поэтому понимание этих законов должно лежать в основе любого исследования - если это исследование, а не исследовательские фантазии на избранном материале. Проблема же заключается не только в том, что исследователи часто игнорируют прямые высказывания автора о своих целях и творческих принципах, но и сами авторы не пишут специальные трактаты - сведения об их теориях творчества обпаруживаются в местах самых неожиданных: Достоевский, например, любил помещать их в фельетоны и в фельетонные разделы "Дневника писателя" или в личные письма.

- Недавно Вы объявили о новом долгосрочном проекте по изучению романа "Преступление и наказание". Что стало причиной обращения к этому роману? Ведь он считается наиболее широко исследованным.

- Было бы справедливо сказать, что о "Преступлении и наказании" больше всего написано из всех романов Достоевского. Но "написано много" не равно "исследованный роман", так же как исследовано "широко" не равно исследовано "полно". По сверхплотной структуре текста, которую создал Достоевский, прямо ориентируясь на евангельский текст, присутствующий в центре романа в небывало большом объеме, этот роман в наибольшей степени требует микроанализа практически на каждом миллиметре текста. Микроанализ здесь становится источником больших богословских и философских идей за счет выстраиваемых Достоевским многоступенчатых аллюзий на библейский и литургический текст. Для того чтобы этот микроанализ производить, - требуется еще и широкое знание исторических реалий - от биографий упоминаемых в тексте исторических лиц до философских концепций определенного периода. Надо прочесть те книги, которые читают персонажи - потому что за одним упомянутым названием в этом романе может скрываться целая линия соответствий, не считываемая нами, если мы не прочли книгу, соотнося ее с романом.

Словом, как всегда, можно сказать, что в исследовании Достоевского и его самого читаемого романа все только начинается - прежде всего потому, что совсем изменилось за последнее время

представление о том, как Достоевский строит текст. Рассеялся миф о "неряшливом" писателе, сейчас мы видим перед собой текст, где значимо не только каждое слово, но и расположение слов в предложении (один из значимых приемов Достоевского - синтаксические цитаты).

Так что нам предвбит три года захватывающе интересной работы.

- Достоевский уже три века живет в сердце и мыслях читателей. В чем тайна притягательности слова Достоевского? Как смотрится и видится Достоевский из XXI века?

- Я бы начала ответ цитатой из Вячеслава Ивановича Иванова: прежде всего это человек, показавший нам, что вера и неверие - два разноприродных бытия. Но я бы тут же и уточнила: сам Достоевский, говоря о разнице этих бытий, говорит не о вере и неверии - а о личности на высшей ступени развития - и о личности, этого уровня не достигшей, личности внутри границ "я". Личность на высшей ступени развития, по Достоевскому, свое существование видит в самоотдаче и строит как процесс самоотдачи. И личность на высшей ступени развития не верит в Бога - а видит Бога. Тут у Достоевского очень интересно: он утверждает (в черновой записи "Социализм и христианство"), что при развитии состояния "я" по мере развития цивилизации, при возрастании единения вера в личностях падает: в силу того, что зрение человека меняется, оно становится "дробным", он видит лишь то, что попадает в его единственное поле зрения - а Бога можно видеть лицом к лицу, лишь обладая полным зрением, зрением соединенных личностных центров человечества. То есть - при разъединении на определенном этапе цивилизации Бог уходит за пределы зрения отдельного человека - и он остается в поле зрения лишь тех, кто не отделился, несмотря на общий распад: то есть в поле зрения личностей на высшей ступени развития. Именно поэтому Достоевский говорит, что честный, искренний, радующий о счастье человечества атеист находится на предпоследней ступени к самой полной вере: потому что, соединившись в своем искреннем желании самоотдачи со всеми в человечестве, он внезапно обретает то всецелое видение, которое дается несоединенным. Мне кажется, что человек, дающий своим читателям представление о возможности обретения человеком своего истинного масштаба и истинного бытия - и о практически алгоритме такого обретения, не может быть неостребован. Знать, что я таков на самом деле и как мне добраться до настоящего себя, - самая глубинная потребность человека.

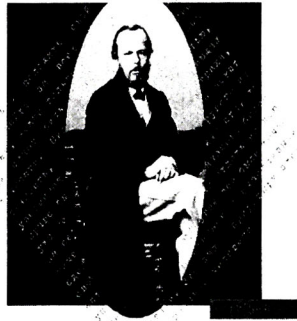
- Каждый читатель любит говорить о собственном открытии Достоевского. Как произошла Ваша первая встреча с ним?

ТАЙНА ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТИ СЛОВА:

ДОСТОЕВСКИЙ - 200

Достоевский
И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

филологический журнал

ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА #4/2021

→ 2

- Я как раз не очень люблю об этом говорить, потому что очень часто приходится (*смеется*). А вообще - для меня это важнейшая была встреча в жизни именно потому, что я - в мире, в котором не было Евангелия и человек был заперт в той действительности, о которую можно стукнуться лбом, - получила несомненное подтверждение тому, что человек - не такой, и мир - не такой, когда прочла в 11 лет роман "Идиот". Аглая в "Идиоте" говорит, что она в бутылке сидит закупоренная, потому что она - в исрах оберегающего ее от жизни семейства. Но она хочет преодолеть эту свою "закупоренность" за счет расширения горизонтального знания. Она Мышкина упрекает, что он никогда не знает, "ни кто именно, ни в котором году, ни по какому трактату" - а при этом чувствует, что он радикально раздвигает границы ее мира, но не понимает, как именно. А его многомерность совсем другого рода - это именно многомерность, а не "широта охвата действительности". Аглая и революционеркой станет потому, что понимает действие лишь в горизонтальной плоскости и может лишь сметать границы волевым материальным усилием. Но и для нее Мышкин - самый прекрасный именно потому, что для него каким-то образом нет вообще этих границ, которые она хочет снести. Он на них смотрит, как трехмерный человек на границу в двумерной системе, на плоскости - он ее персанигирует, не замечая. И она чувствует его чуждость ей, ее тошнит от этой чуждости - но эта способность не видеть границ, которые для нее самой плотны и непереступимы - ее завораживает. А для меня эта способность Мышкина как раз оказалась родной.

- Татьяна Александровна, Вы выступаете перед разной публикой, часто встречаетесь со школьниками, студентами, учителями, учеными. У Вас обширные контакты, совместные проекты с итальянскими читателями Достоевского. В какой аудитории интереснее обсуждать текст Достоевского, с кем Вам лучше работается?

- В любой, для которой важны вопросы человеческого бытия, те же, что важны и для Достоевского, вопросы о том, что я такое и как я могу взаимодействовать с миром вокруг меня так, чтобы он становился прекрасен. И знаете - люди задают эти вопросы в разном возрасте.

- В чем причина Вашей столь глубокой преданности слову Достоевского?

- Мне кажется, я уже сказала - это человек, который помогает читателю увидеть себя, читателя, по-настоящему, который помогает ему понять себя, помогает обрести смысл жизни: тот смысл, который присутствует в каждом ее моменте, осмысливает каждое отдельное действие - и одновременно помогает видеть ее желательный итог. Все это - за счет того, что Достоевский своими текстами прямо раскрывает истинный смысл многих странных евангельских максим, в том числе. То, как

он это делает, мне кажется, хорошо показано в мос готовящейся изданию книги.

- Раскольников, Князь Мышкин, Платов, Алексей Карамазов и другие, все такие глубокие и яркие характеры. Может, писатель ищет в них себя самого? Или это наша иллюзия, и позиция автора ясна и определена?

- Писатель ищет человека - и показывает пути, которыми человек себя обретает, а к стати - и пути, на которых человек теряет себя, иногда безнадежно - как Ставрогин.

- Достоевский показывает Раскольникова в мстанойе, Подростка - в становлении, Алесю - на пути из монастыря в жизнь в миру. А что происходит с такими героями, как Свидригайлов, Ставрогин, Кириллов, почему они выбирают смерть?

- Свидригайлов, Ставрогин и Кириллов - это совсем разные герои, у них совсем разные пути и совсем разная смерть. Если попробовать сказать кратко: Свидригайлов обретает себя в самом самоуничтожении, он истребляет захватившую его душу страшную демоницу-распутницу, перед этим раздав все деньги так, чтобы они уменьшали в мире именно зло объективирующего сладострастия; Кириллов всем своим сознанием уходит в самоотдачу, но словно теряет ориентир (или его сбивает с них Верховенский) на самой последней ступени к самой полной вере - потому что однажды его главную, структурирующую личность идею искал Ставрогин; а Ставрогин цепляется за все, но его ничто не держит, потому что он все разложил и растлил по пути - и он соскальзывает в самоубийство так, как срываются с крыши, не удержавшись за ее гладкий край.

Разные совсем истории - Достоевский вообще практически никогда не повторяется.

- Коль скоро речь зашла о Ставрогине, хотелось бы спросить, кто же все-таки начал и завершил роман "Бесы", он или Степан Верховенский?

- Ну, начинается роман очевидно со Степана Трофимовича - а вот заканчивается сообщением о самоубийстве Ставрогина в здравом уме и твердой памяти. Но это почти параллельные истории (и здесь есть структурное (именно структурное, а не смысловое) сходство с "Преступлением и наказанием"). Достоевский очень ищет и испытывает пути, на которых человек спасается, несмотря на то, что множество раз оступился (или однажды радикально оступился - как Раскольников), а на каких - гибнет. В "Бесах" это пути учительства. Степан Трофимович учил всех героев романа - и учил разному, мягко скажем, далеко не лучшему часто - но он всякий раз был искренен и он бескорыстно и страстно любил красоту - и это все спасло. Петруша Верховенский тоже любил красоту - но лишь как то, что может украсить его самого (для него Ставрогин - его костюм и ценен именно этим). Он ужасен - но он вполне жизнеспособен, как и его большевистские последователи. А Ставрогин учил не веря, экспериментируя, всаживая в другого личинку идеи, чтобы посмотреть, во что она разовьется в его жизни и личности. Он не любит ни красоту, ни человека, ни себя. Он все в этом мире может обрести - но оно в его руках сразу превращается в тлен и грязь. Так что конца здесь два - как и в "Преступлении и наказании". Но начало одно - ибо Ставрогин - тоже ученик Степана Трофимовича. И мы сразу видим, что и структура иная, чем в "Преступлении", где у нас две независимых истории. Степан Трофимович заканчивает триумфом, радикальным духовным прозрением и любовным воссоединением со всеми: но у него есть один ученик, который сейчас, сразу после выскользнет в абсолютное одиночество в вечности. И это ставит вопрос и о полноте триумфа учителя.

- С одной стороны, мы говорим о том, что герои в романах Достоевского не делятся на главных и второстепенных, все по-своему значимы и значительны. С другой стороны, Соня Мармеладова, Князь Мышкин, Алеся Карамазов, вроде незаметные, ненавязчивые, но выделяются среди других, становятся опорными в структуре текста. Чем это можно объяснить?

- Ну как же, конечно, делятся. Они не делятся на положительных и отрицательных (что тоже нужно объяснять - но это я уже неоднократно делала) - но на главных и второстепенных они делятся безусловно, отрицать это было бы невозможно хотя бы с точки зрения уделенного каждому романного времени. Самый очевидный вариант второстепенного героя - это единственное упоминание в тексте его имени. И тогда значимым у Достоевского оказывается именно его имя, значение имени. Это значение имени иногда оказывается способно помешать и/или поставить под вопрос все значение сцены, в которой это имя появилось. И тогда становится понятно, что "второстепенный" у Достоевского не значит "незначимый". Впрочем, здесь все будет зависеть от того, как мы определимся с терминами, конечно. Если "второстепенный" с Вашей точки зрения значит "незначимый", то таких героев у Достоевского действительно нет.

- Нашим читателям будет интересно узнать: как читать Достоевского, чтобы видеть не мрачное, не топор, не нож, не кровь, не надрыв в его романах, а светлое воскресение души, ее бессмертие?

- Нельзя читать Достоевского - и не увидеть топора и крови и мрака. Достоевский всегда позволяет герою опуститься в самую бесприсветную мизу - чтобы именно оттуда пачать восхождение, обретение своего настоящего размера, своей истинной силы - силы самоотдачи и соединения с миром и людьми в гармонии и единстве. Но ведь и в жизни так же. Если не спускаться в свои глубины и низины - то и человеческое счастье и человеческое величие, даже если человек потянется именно к ним, а не к дешвому и бессмысленному комфорту, окажется выстроено на хрупкой основе, ниже которой - неосвоенная бездна. Это плохой фундамент - даже если он толстый - если под ним - огромная яма. Чтение Достоевского - это то, что позволит строить свою жизнь и себя на прочном фундаменте своего освоенного и преображенного подполья. Свою вечную жизнь.

Наверное, здесь мы в этот раз закончим, я знаю, что у Вас есть еще много замечательных вопросов - но пусть они останутся на следующий раз. Я поздравляю Вас, Камаля, с Вашим первым интервью - Вы замечательный интервьюер с очень глубокими и важными вопросами. Спасибо Вам!